

Попов К. М. Памяти Цветкова П. И. [† 31 января 1914 г.]:
Некролог // Богословский вестник 1914. Т. 1. № 3. С. 1–12
(1-я пагин.).

Профессор Петр Цветков

Памяти Петра Ивановича Цвѣткова,

*Почетнаго Члена и Заслуженнаго Ординарнаго Профессора
Московской Императорской Духовной Академіи.*

Въ половинѣ двѣнадцатаго часа ночи 31 января сего года тихо скончался Почетный Членъ и Заслуженный Ординарный профессоръ Московской Императорской Духовной Академіи Петръ Ивановичъ Цвѣтковъ. Съ нимъ сошелъ въ могилу старѣйшій изъ профессоровъ Московской Академіи, представитель и хранитель лучшихъ завѣтовъ старой духовной школы. Начавъ свое знакомство съ Академіей въ годъ празднованія ея своего пятидесятилѣтняго юбилея, онъ не дожилъ всего нѣсколькихъ мѣсяцевъ до ея столѣтней годовщины.

Покойный, сынъ священника Владимірской епархіи, родился 19 авг. 1845 г. близъ г. Киржача на „Селивановой Горѣ“. Одинъ изъ младшихъ членовъ многочисленной семьи, онъ долѣе своихъ братьевъ оставался подъ родительскимъ кровомъ. Родители его понимали, что скромный и робкій ихъ сынъ, къ тому же и не совсѣмъ крѣпкаго здоровья, не приспособленъ былъ къ пребыванію въ стѣнахъ школы, школы дореформенной съ ея суровымъ режимомъ. Поэтому покойный дольше, чѣмъ обыкновенно принято въ духовныхъ сельскихъ семьяхъ, обучался дома подъ руководствомъ своего отца. На немъ благотворно сказывалось любовное обращеніе съ нимъ его родителей, особенно его почтенной матушки Наталіи Александровны, которую П. И. горячо любилъ и къ памяти которой всегда относился съ благоговѣніемъ. Ея мягкость передалась и покойному П. И.

Отъ природы даровитый и трудолюбивый, мальчикъ опережалъ въ ученіи своихъ сверстниковъ и, будучи 11 лѣтъ, онъ

поступилъ во Владимірское духовное училище прямо во второй классъ. Въ это время старшій зять его, А. И. Остроумовъ, родной братъ бывшаго товарища Оберъ-Прокурора Св. Синода, былъ приходскимъ священникомъ г. Владиміра, что избавило мальчика отъ необходимости жить постоянно въ стѣнахъ старой бурсы или на частной квартирѣ подъ надзоромъ такъ называемаго „старшаго“, или вообще старшихъ по возрасту воспитанниковъ, обращеніе которыхъ съ юнцами бывало порой очень грубо и сурово. П. И. поселился сначала на квартирѣ у зятя, а затѣмъ, когда перешелъ въ духовную семинарію, жилъ большею частію у своего старшаго брата Александра Ивановича, который въ это время былъ преподавателемъ той же семинаріи. О немъ покойный всегда отзывался, какъ о „добрѣйшемъ существѣ“.

Такимъ образомъ П. И., обучаясь въ училищѣ и семинаріи, не разрывалъ связи съ семьей, мужая подъ ея благотворнымъ, мягкимъ вліяніемъ.

Почти домашняя, семейная обстановка помогла П. И. забывать обиды забіякъ-товарищей, которымъ онъ по мягкости и деликатности своей натуры не могъ давать отпора. Противъ грубыхъ выходокъ товарищей П. И. могъ защищаться только тѣмъ, что всегда оставался корректнымъ по отношенію къ нимъ, если только это слово можно употребить въ приложеніи къ мальчику.

Благодаря этимъ условіямъ жизни во время пребыванія въ духовномъ училищѣ и семинаріи, сердце мальчика нисколько не очерствѣло, и онъ остался такимъ же мягкимъ и деликатнымъ, какимъ и вступилъ въ школу. Несмотря на суровость школьнаго режима, несмотря на то, что въ тѣ времена въ школѣ еще сѣкли, и достаточно было такого, напр., проступка со стороны П. И., какъ то, что онъ однажды въ классѣ сидѣлъ безъ тулупа, такъ какъ ему не казалось холодно, тогда какъ всѣ прочіе воспитанники, вслѣдствіе холода въ классномъ помѣщеніи, были одѣты въ тулупы, чтобы за это онъ былъ наказанъ стояніемъ „столбомъ“,—у него не сохранилось тяжелыхъ и непріятныхъ воспоминаній о пребываніи тамъ. Никогда дурно не отзывался онъ ни о самой школѣ, ни объ ея наставникахъ. Это же продолжи-

тельное пребываніе въ домѣ отца и среди близкихъ родственниковъ, а не въ бурсѣ, повело и къ тому, что онъ не усвоилъ дурныхъ и грубыхъ манеръ, которыми такъ славятся воспитанники духовной школы и которыя кладутъ на нихъ неизгладимое клеймо на всю остальную жизнь. Изъ него росъ благовоспитанный юноша. Умѣніе держать себя во всякой обстановкѣ и постоянная вѣжливость по отношенію ко всѣмъ безъ исключенія сдѣлались его отличительными качествами.

Во время пребыванія въ училищѣ и семинаріи П. И. отличался большимъ прилежаніемъ и трудолюбіемъ. Однажды ректоръ семинаріи въ разговорѣ съ нимъ спросилъ его: „какой изъ новыхъ языковъ ты учишь?“— „Нѣмецкій“,— отвѣтилъ П. И.— „Стыдно,—тебѣ нужно изучать и французскій“—замѣтилъ ректоръ. Этого замѣчанія ректора, по словамъ П. И., было достаточно для него, чтобы приступить къ изученію и французскаго языка.

П. И. не прослушалъ полного семинарскаго курса (такая практика существовала въ то время) и изъ 5 класса, будучи 19 лѣтъ, въ 1864 г. поступилъ въ Московскую Академію, которую и окончилъ въ 1868 г. и былъ причисленъ къ первому разряду ея воспитанниковъ. Въ томъ же году онъ отправился въ Петербургъ, гдѣ слушалъ при университетѣ лекціи по классическимъ языкамъ. Одновременно съ этимъ онъ былъ домашнимъ учителемъ - гувернеромъ дѣтей графа Пугатина.

По выдержаніи передъ педагогическимъ собраніемъ Правленія С.-Петербургской духовной семинаріи удовлетворительнаго испытанія посредствомъ трехъ пробныхъ лекцій 11—17 февраля 1869 г. по предмету латинскаго языка, онъ былъ опредѣленъ для преподаванія этого предмета въ Московскую духовную семинарію 1869 г. 23/24 сентября, въ каковой должности и состоялъ съ небольшимъ годъ. По прочтеніи пробной лекціи въ Московской Академіи, онъ былъ избранъ 6 ноября 1870 г. на должность доцента Академіи по предмету того же латинскаго языка и его словесности и допущенъ къ исправленію этой должности 18 января 1871 г. Такъ началась его служба родной Академіи.

Въ томъ же году 24 сентября онъ былъ удостоенъ Совѣтомъ Академіи степени магистра богословія; а черезъ шесть лѣтъ—съ 23 сентября 1878 г. назначенъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ.

Добросовѣстное и любовное отношеніе къ своему дѣлу заставило П. И. предпринять поѣздку за-границу. И вотъ— въ цѣляхъ 1) знакомства съ состояніемъ филологической науки въ Германіи, равно какъ и для дополненія знаній по филологіи и 2) для ближайшаго, непосредственнаго изученія памятниковъ классической древности какъ въ Римѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ Италіи, онъ былъ командированъ за-границу съ 15 іюля 1878 г. по 15 августа 1879 г. Во время пребыванія за границей П. И. слушалъ лекціи по классическимъ языкамъ въ Лейпцигскомъ университетѣ у профессоровъ—Курціуса, Лянге и Еккштейна, а въ Берлинскомъ— у профессоровъ Фалена и Гюбнера, и жилъ болѣе или менѣе долгое время въ Римѣ, Флоренціи и Неаполѣ, посѣщая на мѣстахъ сохранившіеся въ цѣлости или въ развалинахъ памятники классической древности, а также изучая все необходимое по музеямъ названныхъ городовъ. Эта же цѣль привела его и въ Мюнхень, гдѣ онъ часто бывалъ въ его знаменитой Глиптотекѣ. О своихъ занятіяхъ за-границей П. И. напечаталъ отчетъ (Т. св. О. 1881 г. кн. II), который, а равно и устныя бесѣды его объ этой поѣздкѣ, имѣли и значительный интересъ и большую цѣнность. Такъ своими занятіями за-границей П. И. оказалъ важную услугу, между прочимъ, профессору греческаго языка И. Н. Корсунскому въ его первыхъ научныхъ трудахъ въ области филологіи при началѣ его ученой дѣятельности, совпавшей съ временемъ возвращенія П. И. изъ-за-границы. Объ этомъ послѣднемъ говорилъ самъ И. Н. въ своей привѣтственной рѣчи на празднованіи двадцатипятилѣтняго юбилея почившаго, (Богосл. Вѣстн. 1895 г. ст. В. Соколова „Изъ академической жизни“).

П. И. былъ, по отзывамъ его слушателей— учениковъ, большимъ знатокомъ своего предмета. Онъ явно во время чтенія лекцій увлекался переводимыми имъ классическими писателями и безсмертными красотами ихъ произведеній.

Онъ высоко цѣнилъ произведенія древнихъ латинскихъ поэтовъ и свою любовь къ поэзіи перенесъ и на христіанскихъ латинскихъ и греческихъ церковныхъ пѣснотворцевъ.

Съ большимъ трудолюбіемъ и увлеченіемъ онъ работалъ надъ однимъ изъ латинскихъ христіанскихъ поэтовъ—Авреліемъ Пруденціемъ Клементомъ и надъ извѣстнымъ греческимъ пѣснотворцемъ св. Романомъ Сладкопѣвцемъ. Его ученое изслѣдованіе о первомъ снискало ему степень доктора богословія, въ каковой степени онъ и былъ утверждёнъ опредѣленіемъ Св. Синода отъ 8 февраля 1891 г., послѣ чего 22 февраля того же года былъ сдѣланъ ординарнымъ профессоромъ. За это свое сочиненіе, по постановленію Совѣта Академіи, онъ получилъ премію Преосвященнаго Митрополита Московскаго Макарія въ 500 руб., а Св. Синодъ опредѣленіемъ своимъ отъ 1/22 апрѣля 1892 г., согласно заключенію Учебнаго Комитета, присудилъ ему за то же сочиненіе премію того же Митрополита въ 1.000 руб. Оффиціальныя рецензенты проф. В. О. Ключевскій и А. В. Мартыновъ съ большою похвалою отзываются о научныхъ достоинствахъ этого печатнаго произведенія П. И. (см. журналы Совѣта Московской Духовной Академіи 1890 г.). А ординарный профессоръ С.-Петербургскаго университета Помяловскій въ своемъ отзывѣ объ этой книгѣ говоритъ: „Трудъ проф. Цвѣткова производитъ прекрасное впечатлѣніе работы серьезной, обличающей знаніе и даровитость автора. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что онъ весьма тщательно изучилъ текстъ Пруденція, и съ большою внимательностью извлекъ изъ него всё наиболѣе характерныя данныя для разъясненія того или другого вопроса; трудно отмѣтить что-либо важное, что было бы опущено авторомъ; ссылки его вездѣ самостоятельны и доказываютъ, что онъ черпалъ непосредственно изъ источника. Съ такою же внимательностью изучилъ онъ и предшественниковъ Пруденція, преимущественно Тертулліана и Амвросія. Не оставилъ онъ безъ вниманія и трудовъ своихъ западныхъ предшественниковъ... Ученый аппаратъ проф. Цвѣткова весьма солиденъ и заслуживаетъ полного одобренія. Не съ меньшимъ сочувствіемъ слѣдуетъ отнестись и къ пользованію этимъ аппаратомъ“. (Христ. Чт.

за 1892 г.). Точно такъ же и другой его трудъ—„Пѣсни св. Романа Сладкопѣвца“ былъ удостоенъ преміи Митрополита Макарія въ 500 руб. Представлявшій это произведение П. И. на премію почтеннѣйшій профессоръ М. Д. Муретовъ въ заключеніе своего отзыва о немъ говорить слѣдующее: „Интересность и разнообразіе вводныхъ свѣдѣній о пѣснопѣніяхъ св. Романа Сладкопѣвца,—полезность, обиліе и цѣнность разнообразныхъ примѣчаній къ тексту этихъ пѣснопѣній,—самоочевидная важность перевода на русскій языкъ пѣсней одного изъ славныхъ церковныхъ поэтовъ византийскихъ, коему подражали другіе церковные пѣснописцы,—общая удовлетворительность и точность его въ передачѣ содержанія оригинала,—выдержанность въ количествѣ строфъ стиховъ въ строфахъ (въ огромномъ большинствѣ),—полное соотвѣтствіе духу оригинала вообще и тождественность съ нимъ—нерѣдко въ стихотворномъ размѣрѣ—или ритмѣ,—наконецъ возвышающаяся иногда до уровня оригинала священно-поэтическая вдохновенность перевода:—вотъ тѣ достоинства труда проф. Цвѣткова, кои побуждаютъ меня предложить вниманію Совѣта Академіи этотъ трудъ на премію Преосвященнаго Митрополита Макарія“ (Журналы засѣданій Совѣта Академіи за 1902 г.).

Можно сказать, что этотъ родъ творчества покойнаго П. И. былъ любимымъ его занятіемъ, потому что какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ религіозно-нравственной его настроенности. Въ журналахъ „Радость Христіанина“ и „Душеполезное Чтеніе“ напечатано много и другихъ его стихотворныхъ переводовъ любимыхъ имъ церковныхъ авторовъ, равно какъ и въ его бумагахъ сохранилось еще нѣсколько опытовъ такого же точно переложенія. Вообще, посвящая свое время усердному подготовленію къ лекціямъ, онъ находилъ время заниматься и литературнымъ трудомъ.

Такъ въ разное время и въ разныхъ журналахъ, кромѣ уже названныхъ его произведеній, имъ были напечатаны слѣдующія:

„Обзоръ апологетическихъ трудовъ восточныхъ Отцовъ и Учителей церкви въ IV и V вв.“.

„Состояніе инославныхъ христіанскихъ обществъ на Западѣ въ 1875 г.“.

„Цій IX“. „Изъ наблюденій надъ религіозною жизнью въ современномъ германскомъ протестанствѣ“.

„Жизнь св. Павлина Нольскаго“.

„Мысли Горация о поэзи и условіяхъ совершенства поэтическихъ произведеній въ „Посланіи къ Пизонамъ“.—(Рѣчь на публичномъ актѣ 1 окт. 1885 г.).

„Греко-римскій политеизмъ и христіанство“.

„Гимны Св. Амвросія Медиоланскаго“.

„Очеркъ исторіи Братства Преподобнаго Сергія за первое двадцатипятилѣтіе“.

„Очеркъ исторіи Александро-Маріинскаго дома Призрѣнія въ первыя 25 лѣтъ самостоятельнаго существованія“.

„Новый храмъ въ память почившей въ Бозѣ Государыни Императрицы Маріи Александровны“ и др.

Полный перечень трудовъ П. И., составленный бібліотекаремъ Моск. Академіи К. М. Поповымъ, помѣщенъ далѣе.

Въ 1905 году по дѣламъ Братства Преподобнаго Сергія для вспомошествованія нуждающимся студентамъ, председателемъ котораго состоялъ П. И., возникъ между нимъ и сослуживцами конфликтъ, хотя и не по его винѣ;—но это заставило П. И. подать прошеніе объ отставкѣ, и 24 февр. 1906 г. онъ приказомъ Оберъ-Прокурора Св. Синода былъ отчисленъ отъ духовно-учебной службы; однако и послѣ того въ теченіе двухъ лѣтъ въ качествѣ профессора по найму читалъ лекціи въ Академіи. За свои труды на пользу Академіи онъ награжденъ былъ чиномъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника—въ 1901 г. 6 мая.

Ревностно исполняя свои прямыя обязанности по службѣ въ Академіи онъ, на ряду съ этимъ, принималъ на себя и другія отвѣтственныя должности.

Какъ человекъ добрый и отзывчивый на всякое хорошее начинаніе, онъ охотно, напр., откликнулся на приглашеніе быть преподавателемъ латинскаго языка въ открывшейся въ 1876 году въ Сергіевскомъ-посадѣ мужской-прогимназіи. Въ посадѣ тогда почти совершенно не было учебныхъ заведеній, за исключеніемъ женскаго городского училища. Когда

же, по инициативѣ покойнаго профессора Академіи, бывшаго въ то же время и городскимъ головою, Е. В. Амфитеатрова, основана была мужская прогимназія, то онъ и принялъ предложеніе быть преподавателемъ въ ней. За скудостью денежныхъ средствъ, которыми располагала тогда прогимназія, большинство преподавателей въ ней не получало вознагражденія: безвозмездно несъ въ ней свои обязанности и П. И. въ теченіе почти двухъ лѣтъ.

То же было затѣмъ, когда въ посадѣ возникла и частная женская прогимназія—Д. Н. Тихомировой:—и здѣсь П. И. безвозмездно трудился, будучи учителемъ исторіи и географіи. Несмотря на свои несомнѣнныя заслуги предъ мужской прогимназіей, расширившейся потомъ въ полную гимназію, П. И., не помня о своихъ трудахъ, понесенныхъ имъ въ ея пользу, никогда не помышлялъ о томъ, чтобы хотя его собственные сыновья, когда они поступили въ ту же гимназію, обучались въ ней бесплатно, какъ многіе совѣтовали ему это сдѣлать:—онъ находилъ также притязаніе идущимъ въ ущербъ дѣтямъ несостоятельныхъ родителей.

Еще болѣе времени П. И. посвятилъ Александрo-Маріинскому дому Призрѣнія, членомъ Совѣта и инспекторомъ классовъ котораго онъ сдѣлался въ 1899 г., каковымъ и продолжалъ оставаться до самой своей кончины. И опять таки этотъ трудъ онъ несъ бесплатно. За свою дѣятельность по Дому Призрѣнія онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Станислава 1 ст. 6 декабря 1913 г., но своей звѣзды ему уже не пришлось увидѣть.

П. И. былъ, также, предсѣдателемъ Совѣта Братства Преподавнлаго Сергія съ 1903 г. по 1905 годъ, членомъ ревизіонной комиссіи Сергіево-Никоновскаго благотворительнаго пріюта и Товарищемъ Предсѣдателя общества вспомошествованія недостаточнымъ ученикамъ Сергіево-посадской мужской гимназіи. А когда супруга его открыла сначала подготовительную школу, а затѣмъ частную женскую прогимназію, онъ, несмотря на свои немолодые годы, продолжалъ трудиться на любимомъ имъ педагогическомъ поприщѣ.—въ качествѣ законоучителя и преподавателя географіи, и состоялъ Предсѣдателемъ педагогическаго Совѣта этой про-

гимназіи. Однажды Высокопреосвященный Митрополитъ С.-Петербургскій Владиміръ, когда еще былъ Митрополитомъ Московскимъ, узнавъ, что онъ законоучительствуетъ въ школѣ своей жены, сказалъ ему: „побольше бы было такихъ законоучителей, какъ Вы, П. И.!“

Таковъ былъ покойный П. И., какъ общественный дѣятель. Но что болѣе всего снискало ему любовь и уваженіе его товарищей—сослуживцевъ и всѣхъ знавшихъ его, такъ это рѣдкій, чрезвычайно высокій нравственный обликъ его, какъ частнаго человѣка.

Выдающимися качествами его были необычайное благородство души и чистота помысловъ. Это благородство его сказывалось какъ въ отношеніяхъ съ сослуживцами, такъ и съ посторонними для него лицами. И съ высшими его по рангу, и съ равными, и съ низшими онъ былъ одинаковъ. Лестъ и ласкательство, не говоря уже объ интригахъ и интриганствѣ, были ему совершенно чужды.

Онъ былъ надежнѣйшимъ товарищемъ, простое слово котораго пользовалось довѣріемъ.

Благородство его характера было такъ высоко, что никогда нельзя было заподозрить его въ изменности побужденій.

Будучи самъ таковъ, онъ вѣрилъ въ человѣческое достоинство и другихъ и, будучи честенъ самъ, не хотѣлъ думать, чтобы и другіе могли руководствоваться въ своихъ дѣлахъ иными побужденіями.

Онъ никогда ни о комъ не отзывался дурно, и, когда ему говорили о безчестныхъ поступкахъ другихъ, онъ или высказывалъ сомнѣніе въ достовѣрности ходящихъ слуховъ или старался найти такія стороны въ нихъ, которыя бы извиняли и смягчали вины людей. При извѣстной всѣмъ его протости и незлобii трудно было даже представить себѣ, чтобы онъ могъ нанести кому-нибудь сознательно зло или причинить обиду, хотя бы простымъ словомъ. Онъ никогда не старался кого-нибудь уязвить или поднять на смѣхъ. Незаслуженныя имъ обиды и оскорбленія, особенно со стороны сослуживцевъ, глубоко огорчали его и волновали, но онъ не выражалъ своего огорченія ни въ ропотѣ, ни въ жалобахъ

на обидчика и при своемъ незлобii скоро забывалъ обиду и попрежнему относился къ обидчику доброжелательно.

Всегда ровный и спокойный, онъ никогда не выходилъ изъ себя и даже въ горячихъ спорахъ по принципиальнымъ вопросамъ никогда не возвышалъ голоса.

При такихъ качествахъ онъ не приспособленъ былъ къ борьбѣ, не могъ быть передовымъ энергичнымъ борцомъ съ людскою неправдою не только въ дѣлахъ общественныхъ, но и своихъ личныхъ, хотя это и не было съ его стороны ни робостью, ни слабостью.

Эти свойства его души питались его искреннею религіозностью. Онъ былъ вѣрнымъ сыномъ православной церкви. Онъ всегда строго исполнялъ и внѣшніе уставы церкви, хотя болѣе держался духа христіанскаго ученія. Неизмѣнно и радостныя, и горестныя событія въ своей жизни онъ сопровождалъ молитвою. Къ религіознымъ вопросамъ онъ относился серьезно и никогда не позволялъ себѣ въ этомъ отношеніи какого-либо легкомыслія, а когда въ его присутствіи разговоръ о религіи принималъ неподобающій оборотъ, онъ обычно умолкалъ, давая тѣмъ понять, что это ему непріятно.

Въ своей домашней, семейной жизни онъ былъ образцовый, любящій и заботливый мужъ и отецъ. Онъ внимательно наблюдалъ и за первыми шагами и за дальнѣйшимъ развитіемъ своихъ дѣтей. Съ какою, напримѣръ, любовью онъ бережно хранилъ даже простыя дѣтскія записочки, рисунки, модели! Онъ былъ для дѣтей и лучшимъ руководителемъ въ ихъ учебныхъ занятіяхъ и репетиторомъ. Хорошею чертою его было и то, что свою любовь онъ простиралъ не только на своихъ родныхъ дѣтей, но и на несчастныхъ спротивъ своихъ и женинныхъ близкихъ и дальнихъ родственниковъ, для которыхъ онъ не дѣлалъ никакого различія со своими дѣтьми. По-долгу гащивали и живали родственники подъ его кровомъ, пока не становились на собственныя ноги. Видно судьбою ему назначено было часто становиться опекуномъ опротивѣлыхъ малышей и для устройства ихъ участи нести порой очень тяжелое бремя опекуинства. Ему приходилось заботиться о нуждающихся родственникахъ и жив

шихъ далеко отъ него. „Если у тебя будетъ какое-нибудь старье,—писала ему его матушка—ты не отдавай Василю (служителю), а лучше пересылай во Владимірѣ Остроумовымъ,—ты, вѣдь, знаешь, какая тамъ крайность“. Многие изъ родныхъ и очень многимъ обязаны добротѣ П. И. Онъ былъ для своихъ родственниковъ объединяющимъ центромъ, патриархомъ, умѣвшимъ прекращать между ними и недоразумѣнія. Недаромъ прошлогодній юбилей его „серебряной свадьбы“, весело отпразднованный въ кругу родственниковъ, собралъ къ нему издалека полный домъ гостей—родственниковъ, привезшихъ ему многочисленные подарки.

Помянуть его добрымъ словомъ и пожалѣютъ, что его уже нѣтъ, многие и не родственники, по дѣламъ которыхъ онъ принималъ на себя немалыя хлопоты.

Пріятно было бывать въ его домѣ, гдѣ чувствовалось всегда легко и свободно.

Нелицемерное радушіе и гостепримство хозяина и хозяйки отгоняли отъ гостей застѣнчивость и неловкость.

Добродушная улыбка, невинная шутка, ласковое слово всегда ожидали его гостей, поднимали ихъ настроеніе и вносили большое оживленіе. Самъ хозяинъ становился веселѣе и бодрѣе, какъ бы юнѣль, и сбрасывалъ съ плечъ немалое бремя своихъ лѣтъ. Онъ любилъ, чтобы молодежь веселилась у него. Свое отношеніе къ ней онъ выразилъ однажды въ слѣдующихъ своихъ стихахъ.

„Старецъ—внучкѣ“.

„Рѣзвись, рѣзвись, мой милый другъ!

Рѣзвись, покуда молода!

Придетъ пора,—и ты тогда

Далиться будешь отъ подругъ!

Иной предметъ тебя займетъ

И очаруетъ съ дивной силой,

Иное будетъ тебѣ мило,

Веселость прежняя пройдетъ;

Сама не зная, отчего—

Не разъ вздохнешь ты тяжело, тяжело.

Проглянетъ дума у бѣдняжки

И отуманится чело.

И для тебя пора настанетъ

Мечтать о радостях иных,
И отъ тоски не разъ по нихъ
Слеза на щечку твою капеть“.

Nihil nisi—было его девизомъ въ личномъ режимѣ. Онъ всегда былъ умѣренъ въ пищѣ и питъѣ и остороженъ во всемъ, и нельзя было его въ этомъ отношеніи ничѣмъ соблазнить, и отчасти поэтому, можетъ быть, отличался всегда и бодростью духа и ровнымъ, хорошимъ здоровьемъ. Несмотря на свои почтенные годы, даже въ послѣднее лѣто, онъ былъ еще свѣжимъ и бодрымъ старцемъ, для котораго прогулка, напр., въ Виенаю пѣшкомъ туда и обратно не была особенно утомительна. Только за 2—3 мѣсяца передъ кончиной онъ сильно измѣнился и ослабѣлъ вслѣдствіе серьезнаго внутренняго недуга, который какъ-то незамѣтно подкрался и быстро овладѣлъ имъ.

Покойный началъ чувствовать нѣкоторое недомоганіе уже годъ назадъ, но долго онъ не придавалъ этому большого значенія, прибѣгая къ домашнимъ средствамъ, а, можетъ быть, здѣсь сказывалась и его забота о семьѣ, которую онъ не хотѣлъ беспокоить. Хотя прошлой осенью врачи и начали настойчиво посылать его для леченія въ Москву, и онъ самъ сознавалъ уже необходимость поѣздки, но откладывалъ все до рождественскихъ каникулъ, когда онъ могъ быть свободнѣе отъ занятій. Даже на смертномъ одрѣ онъ беспокоился, что накопилось слишкомъ много дѣлъ по Дому Призрѣнія, и опасался, какъ бы они, благодаря его болѣзни, не были запущены. Болѣзнь быстро усиливалась, и пребываніе въ одной изъ московскихъ лечебницъ не принесло ему желаннаго исцѣленія. По возвращеніи оттуда домой покойный съ каждымъ днемъ все слабѣлъ и слабѣлъ, но только за три дня онъ окончательно слегъ въ постель; поэтому никто изъ близкихъ его не ожидалъ, что развязка наступитъ такъ скоро. За нѣсколько часовъ до смерти П. И. успѣлъ приобщиться Св. Таинъ и благословилъ своихъ дѣтей.

Такъ окончилъ свою жизнь этотъ рѣдкій человекъ и неутомимый труженикъ.

Requiescas a labore.
